

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-235-243><https://elibrary.ru/jawmxc>

Поступила: 11.03.2026

Принята: 14.04.2026

Опубликована: 03.07.2026

УЧЕНИЕ Ф. БРЕНТАНО О ПЕРВИЧНОМ АКТЕ СОЗНАНИЯ

*Торощин Егор Александрович**Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)*

В статье рассматриваются критика Brentano формально-логической парадигмы Аристотеля и его концепция интенциональности как сущностной характеристики психических феноменов. Особое внимание уделяется Brentano различению акта представления и объекта представления, которое закладывает основы для последующего анализа сознания. В ходе исследования обосновывается ряд взаимосвязанных тезисов. Во-первых, в отличие от Аристотеля, Brentano фиксирует дологический слой сознания — психический акт представления, который предшествует любому суждению и ответственен за само становление предметности. Этот акт не существует в формально-логическом смысле, поскольку к моменту начала суждения он уже совершился, и мы имеем дело лишь с его результатом; тем самым интенциональность оказывается некоторой неактуализируемой предпосылкой по отношению к формальной логике. Во-вторых, продуктом интенционального акта выступает единое представление об объекте — объектное единство, конституируемое в психической деятельности. Данное единство, будучи неотделимым коррелятом акта сознания и направленности на предмет, правомерно обозначается Ф. Brentano как имманентный объект. В-третьих, этот имманентный предмет, обладая смысловым единством и выступая субъективным коррелятом реального объекта, может быть определен как значение предмета. Выступая субъектом предикации в суждении, он сам формируется в процессе становления смысла, который осуществляется до самой логической предикации. Совокупность этих положений позволяет сделать вывод, что введение Brentano понятия интенциональности и анализ структуры представления закладывают концептуальные основы для будущей феноменологии, а именно перехода Э. Гуссерля от дескриптивной психологии к трансцендентальной феноменологии, изучающей чистые структуры сознания.

Ключевые слова: Brentano, Аристотель, Гуссерль, интенциональность, представление, психический акт, смысл, значение, феноменология.

Для цитирования:

Торощин Е.А. Учение Ф. Brentano о первичном акте сознания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 2. С. 235–243. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-235-243>. EDN: JAWMXC

F. BRENTANO'S THEORY OF THE PRIMARY ACT OF CONSCIOUSNESS

Yegor A. Toroshchin

Perm State University (Perm)

The article analyzes the key stages in the formation of the phenomenological theory of meaning, which has its roots in the philosophy of Franz Brentano. It examines Brentano's critique of Aristotle's formal-logical paradigm and his concept of intentionality as an essential characteristic of psychical phenomena. Special attention is paid to Brentano's distinction between the act of presentation and the object of presentation, which lays the groundwork for the subsequent analysis of consciousness. The study substantiates a series of interconnected theses. Firstly, unlike Aristotle, Brentano identifies the pre-logical layer of consciousness — the psychical act of presentation that precedes any judgment and is responsible for the very constitution of objectivity. This act does not exist in the formal-logical sense since, by the time a judgment occurs, it has already taken place, leaving us only with its result; thus, intentionality resides in a kind of transcendental field in relation to formal logic. Secondly, the product of the intentional act is a unified presentation of the object — an objective unity constituted in psychical activity. This unity, being an inseparable correlate of the act of consciousness and its directedness toward an object, can justifiably be termed the immanent object. Thirdly, this immanent object, possessing a unity of meaning and serving as the subjective correlate of the real object, can be defined as the meaning of the object. While serving as the subject of predication in a judgment, it is itself formed in the process of meaning-constitution, which occurs prior to any logical predication. Taken together, these propositions lead to the conclusion that Brentano's introduction of intentionality and his analysis of the structure of presentation lay the conceptual foundations for Edmund Husserl's subsequent transition from descriptive psychology to transcendental phenomenology, which investigates the pure structures of consciousness and meaning-constitution.

Keywords: Brentano, Husserl, Aristotle, intentionality, presentation, psychical act, meaning, sense, phenomenology.

To cite:

Toroshchin Ye.A. [F. Brentano's theory of the primary act of consciousness]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 2, pp. 235–243 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-235-243>, EDN: JAWMXC

Введение

Феноменология является одним из центральных философских направлений XX века. Она предложила принципиально новый подход к решению проблемы смысла, сместив акцент с вопроса о том, *что* такое вещь, на вопрос о том, *как* она являются сознанию [Гуссерль Э., 2010, с. 47]. Однако ключевые понятия и интуиции феноменологии как отдельной философской дисциплины были подготовлены еще работами Франца Brentano (1838–1917).

Цель данной статьи — проследить генезис ключевых понятий феноменологии: интенциональности, представления, предмета и акта со-

знания. По нашему мнению, переход от Brentano к Гуссерлю — это не просто смена философских доктрин, а фундаментальный методологический сдвиг от психологического описания интенциональных актов к анализу их идеального, общезначимого содержания.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) реконструировать критику Brentano аристотелевской логики; 2) выявить роль «представления» в его дескриптивной психологии; 3) проанализировать брентановскую концепцию интенциональности и связанную с ней проблему саморефлексии сознания; 4) рассмотреть актуализируемые Brentano философские идеи, которые становятся предпосылками формирования последующей феноменологической традиции.

Критика аристотелевской логики

В основе исследований Франца Brentano лежит тот факт, что логика как наука о формальном мышлении упускает некоторую важную особенность. Он замечает следующее: логика Аристотеля построена на игнорировании определенной операции, в рамках которой происходит формирование логического суждения. Речь идет о том, что человек, который мыслит логически, т.е. оперирует законами логики Аристотеля — законом тождества, законом исключенного третьего, законом противоречия, — оперирует суждениями. Но, по Brentano, в формировании логических суждений и силлогизмов закралась определенная методологическая ошибка. Мы слишком быстро проскальзываем определенную структуру мышления, переходя на уровень логики и считая, что предикативное мышление является врожденным для человека. На самом деле до того, как мы сможем перейти к логическому суждению, например, «вещь есть вещь», «А» есть «А» — первый закон логики (закон тождества), — проходит еще некоторая операция, которую мы, исходя из наших культурных установок, упускаем из виду. Речь идет о процедуре данности самого предмета мышления, предмета, к которому и применяются фигуры суждения. Именно исходя из этого Brentano ставит под вопрос всю логику, доминировавшую в истории европейской мысли.

Дело в том, что при мышлении какого-либо реального предмета вопрос «что такое сущее?» превращается в вопрос «что такое сущность?» [Аристотель, 1976, с. 188]. Для Аристотеля само собой разумеется, что мышление есть всегда мышление о какой-либо сущей вещи, которая нам уже дана, «предлежит» нашему сознанию, и поэтому «подлежит» нашему мышлению. Но именно поэтому Стагерит не задает вопрос о самой *данности* вещи, поскольку нельзя мыслить о том, чего еще нет для нашего мышления. Другими словами, в аристотелевской метафизике нет различия между вещью в самом объективном бытии и вещи, существующей в нашем мышлении. Этот факт *данности* вещи для Аристотеля (как и для формальной логики в целом) является само собой разумеющимся фактом, из-за чего процесс «перехода» от сущего к сущности им никак не рассматривается. Логическое осмысление же вещи — это уже процесс ее пре-

дикативного определения. Предметное же истолкование бытия преодолевается только в том случае, если предмет как «вот это сущее» берется в створе онтологического вопроса «что *есть* это?» [Комаров С.В., 2020, с. 70–71].

В этой особенности и заключается существенное расхождение психологии Brentano с логикой Аристотеля. Аристотель строит свою формальную логику на базе теории силлогизмов (силлогистики). Любой силлогизм есть дедуктивное умозаключение, состоящее из двух ранее установленных суждений (посылок), которые связывают субъект (подлежащее) и предикат (сказуемое) в общий (средний) термин. Как мы видим, силлогизм подразумевает наличие того, что уже имеется, а именно вытекает из предмета суждения. Об этом говорит и сам Аристотель, определяя силлогизм как «речь, в которой, если нечто предположено, то с необходимостью вытекает нечто отличное от положенного в силу того, что положенное есть» [Аристотель, 1976, с. 120].

В отличие от Аристотеля, Brentano разграничивает суждение как содержание познающего мышления и первичный опыт сознания. Первичный опыт сознания предшествует суждению как содержательной определенности мышления. Такой первичный опыт данности реального объекта в сознании и есть представление. Акт суждения как бы надстраивается над тем, что представлено, — предметом, но не над актом представления. Акт представления неразрывно связан с самим объектом представления, т.к. представление невозможно без объекта, а объект в рамках психического акта невозможен без представления. При этом Brentano замечает, что и сам Аристотель высказывался о подобной мысли: «...Знание, чувственное восприятие, мнение и размышление всегда направлены на другое, а на себя лишь мимоходом» [Brentano Ф., 1996, с. 70]. Однако, несмотря на это, греческий мыслитель в основном игнорирует сущностную связь объекта и субъекта, которая как раз выражается в таком акте.

Что же происходит в результате такого игнорирования первичной данности объекта мышления? На первое место в процессе познания выступает в таком случае нечто иное, как суждение и его включенность в главную логическую операцию — силлогизм, который содержит в себе разного рода суждения. Логика, состоящая из

силлогизмов и составляющих их суждений, способна только на одну операцию — присвоение или не присвоение квантора существования. Впоследствии благодаря суждениям мы можем дополнять или расширять имеющееся у нас знание, в чем и заключается процесс познания вообще. Однако сам акт первичной данности объекта мышления, относительно которого ставится вопрос о присущности ему (существованию) тех или иных предикатов, остается за скобками логики. Логическая теория не задается вопросом, каким образом происходит процесс получения знания, подразумевая, что имеется традиционная корреляция субъекта и объекта.

Интенциональный акт как характеристика психических феноменов

Исследуя аристотелевское понимание сущего и общую структуру логических операций в его силлогистике [Бrentано Ф., 2012], Brentано приходит к актуальности давно известному западной философии схоластическому термину «интенциональность», который использовался еще Фомой Аквинским и другими схоластами [Вдовина Г.В., 2019]. Смысл интенциональности заключается в том, что наше сознание всегда направленно. Когда человек мыслит о чем-то — об абстрактной идее или конкретном предмете, о совокупности таких предметов или о классе абстрактных понятий, — его внимание направлено на эти предметы [Перлер Д., 2016]. Осознанно человек направляет свое внимание или нет, оно всегда направлено на предмет. Мышление само по себе не является безразличным к тому, чем оно мыслит. Оно выстраивается в некую векторную линию, которая и называется интенциональностью. Значение слова «интенция» (лат. *intentio*) и означает «намерение», «концентрацию внимания», направленность [Вдовина Г.В., 2024, с. 29].

Brentано приходит к понятию интенциональности сознания именно в связи с анализом первичного опыта данности объектов мышления. Отслеживая процессы этого опыта, он делает вывод, что мышление всегда устроено таким образом, что оно всегда на что-то направлено, и то, на что оно направлено, является чисто психическим явлением [Бrentано Ф., 1996, с. 33–36].

Здесь важно напомнить, что австрийского философа интересуют в первую очередь психи-

ческие феномены, в связи с чем психология понимается им не как наука о душе, как это понималось в философии и науке в его время, а как наука о *сознании*, т.е. именно о том, как даются предметы нам в опыте. Мышление человека, когда он мыслит (строит суждения), направлено не на то, что он видит, воспринимает или чувствует, а на то, о чем он мыслит. Воспринимая с помощью органов чувств тот или иной предмет, нам кажется, что мы осознаем этот предмет; на самом же деле, считает Brentано, мы мыслим об определенном ментальном объекте, который непосредственно находится в рамках нашего сознания.

Он отмечает, что дефиницию психического феномена традиционно всегда определяли через негативное определение физического феномена, а именно как то, что не является протяженным и не располагается в пространстве. Однако, обратив внимание на интенциональное существование как свойство исключительно психических феноменов, Brentано определяет психическое по-другому, а именно как интенциональный феномен, т.е. как феномен, который характеризуется направленностью, интенционально содержит в себе какой-либо предмет.

Таким образом, по Brentано, нельзя утверждать, что мы мыслим о каком-либо внешнем предмете; скорее, мы мыслим о нашем представлении этого предмета. Здесь важно отметить, что Brentано понимает представление не в психологическом смысле, а скорее, как первичное *предо-ставление* (*Vor-stellung*) предмета нашему опыту. В последствии же Э. Гуссерль отдает первичное предпочтение другому понятию — *восприятию* (*Wahrnehmung*), напрямую связывая его с «переживанием сознания» [Гуссерль Э., 2009, с. 108]. Но для Brentано именно в акте давания предмета сознанию и заключается сущность представления. С этим он связывает особенность интенциональности как процесса направленности актов сознания. У человека существует набор образов, которые являются представлениями; они частично существуют в памяти, а частично формируются из перцепций (ощущений) внешнего мира. Совокупность таких существующих и всегда формирующихся в рамках нашей психики представлений создает то, о чем мы думаем. Если же у нас нет явного представления о чем-то, то

такой предмет мы будем представлять по аналогии с таким, с представлением которого мы уже встречались в опыте. Если мы встречаем в своем опыте незнакомый объект, то нам свойственно объединять этот объект (а точнее, представление этого объекта) с общей структурой наших представлений. Вот здесь мы и можем говорить о законе тождества Аристотеля, когда представление объекта отождествляется с набором предикатов и определяется в родовидовой иерархии всего сущего. Таким образом, представления возникают как при «встрече» с «незнакомым» объектом, так и с таким объектом, который уже ранее встречался нам в опыте. Исключение составляют здесь только те объекты или явления, которые до этого не встречались нам в опыте, но которые мы по каким-либо причинам не имеем возможности никак соотносить с уже имеющимися у нас представлениями. Именно в этом случае мы определяем такой объект или явление как «нечто непонятное» или «бессмысленное».

В связи с таким пониманием представления Brentano выделяет у интенциональности сознания еще одну особенность. Интенциональный акт может быть направлен только на один объект. Соответственно, если мы можем определить у такого предмета (или явления) два или более свойства, то мы в конкретный момент времени либо воспринимаем этот предмет как целостное представление, либо направляем интенцию только на одно его свойство или их совокупность. Так, Brentano различает акт представления и то, что представлено. Например, если звук — это физический феномен, то слышание как представление звука есть уже психический феномен. При этом помимо представления звука (слышания) у нас имеется еще и представление о слышании, «которое отличается от самого слышания так же, как слышание от звука» [Brentano Ф., 1996, с. 64]. Далее Brentano отмечает, что «поскольку оба они являются психическими феноменами, то определенным образом должно существовать как представление звука, так и представление слышания, о котором также должно быть представление. Следовательно, слышащий имеет три представления: представление звука, представление слышания и представление о представлении слышания. Но и это, третье, представление не может быть последним. Ведь и оно созна-

тельно, значит, оно представляется, а представление, относящееся к нему, снова представляется» [Brentano Ф., 1996, с. 64].

Таким образом, философ приходит к выводу о том, что любой психический феномен может потенциально иметь бесчисленное множество представлений. Однако такое множество в конечном итоге оказывается в действительности мнимым, ведь представление, относящееся к психическому акту, принадлежит «предмету», на который оно направлено. При этом если мы попробуем направить свое внимание (интенцию) на представление, полученное от представления этого «предмета», то получится, что такое представление в итоге будет направлено на само себя. Из этого Brentano делает вывод: «Одно наблюдение должно иметь возможность быть направленным на другое наблюдение, но не на себя» [Brentano Ф., 1996, с. 67]. Мы можем говорить о одновременном существовании в психическом акте только двух «первых» представлений, например, представлении звука и представлении акта слышания этого звука. Представление слышания невозможно без наличия представления звука: «Звук, который мы слышим, мы можем наблюдать, слышание же звука мы наблюдать не можем, поскольку само слышание схватывается только в слышании звука, заодно с ним» [Brentano Ф., 1996, с. 67]. Таким образом, Brentano делает вывод, что мы имеем дело со слиянием (конституированием) объекта и сопутствующего ему представления: «Звучание и слышание — как и вообще всякое действие с соответствующим ему претерпеванием — является существенно одним, они коррелятивны по своим понятиям, а потому никогда не представимы иначе, как вместе и в одном и том же акте» [Brentano Ф., 1996, с. 69–70]¹.

Представление как первичный опыт сознания

Brentano не рассматривает отношение внутреннего и внешнего, идеального и материального, физического и психического. Вместо этого он помещает гносеологическую проблему в рамки нашей психической деятельности. И в

¹ Впоследствии у Гуссерля эта корреляция между представлением и предметом будет представлена как корреляция *ноэмы* и *ноэты* [Гуссерль Э., 2009].

этом состоит его открытие — а именно открытие самого *сознания* как объекта рефлексивного изучения.

Сознание — это и есть психическая деятельность, связанная с представлениями, возникающими с помощью ощущений (или фантазий). Но такая деятельность не есть определенное представленное — сам предмет представления, но представляет собой сами акты его представлений или акты направленности (интенциональности) сознания на этот предмет.

В этом значении понятие представления философия Brentano кардинально отличается не только от философии Аристотеля, но и от всей предшествующей ему философии вообще, ведь традиционно в философии до Brentano под представлением подразумевалось нечто, что уже имеет место в нашем сознании. Brentano же впервые заметил, что перед тем, как это нечто будет представляться и мыслиться в сознании, оно должно появиться там. Именно представление как акт (процесс, становление) позволяет нам говорить о том, что в результате этого акта представления и появляется то, теперь может существовать — представляться в образе и мыслиться с помощью понятий. Это некий объект нашей психической деятельности, или феномен. Сознание как психическая деятельность невозможна без опоры на такие психические феномены. Представление есть основа для всех других актов сознания — суждений, предположений, умозаключений или просто «душевных» переживаний. Таким образом, если суждение имеет дело уже с определенным содержанием сознания, благодаря чему и возможно дальнейшее познание, то представление выступает как первичный опыт сознания.

Brentano не отрицал существование физических феноменов, но основным объектом изучения в его философии являются именно психические феномены [Brentano Ф., 2018, с. 161]. Выделение представления как первичного акта, лежащего в основе всех без исключения других актов познания, говорит о том, что сфера сознания мыслится Brentano как сфера опыта, а отнюдь не как сфера трансцендентальных структур, как это понималось в ему предшествующей немецкой философии. Это открывает возможность исследования феноменов сознания самих по себе, т.е. без их обязательного отношения к выполняемым ими гносеологиче-

ским функциям [Молчанов В.И., 2002, с. 46–67].

Здесь мы можем видеть еще одну особенность философии Brentano и феноменологии в целом. Известно, что формальная логика способна определить какой-либо объект в рамках родовидовой иерархии. Но в результате этого она как бы теряет единое представление об объекте. Однако мышление само по себе не является безразличным по отношению к тому, что оно мыслит. Например, возьмем два суждения: «Некоторые розы красные» и «все розы — цветы». Из этих двух суждений мы можем вывести третье суждение — умозаключение (силлогизм) — «некоторые цветы красные». Так, основное свойство суждений — это утверждение чего-либо или же его опровержение, ведь логическая теория — это теория о форме мысли. Однако в процессе любого логического рассуждения мы пропускаем наличие определенного отношения, которое соотносит субъект с объектом. А это отношение возможно благодаря интенциональному акту [Brentano Ф., 1995, р. 23–24]. Таким образом, интенциональный акт (или акт представления) есть необходимое условие конституирования объекта, который осознается (представляется) нами как внутриспсихическое восприятие. В таком конституировании, с одной стороны, представлено то, что представляется как единый объект психического феномена (например, представление звука), и с другой, то, с помощью чего мы определяем это представление (например, представление представления звука). Согласно Brentano, такое переплетение представлений одного и того же психического акта возникает из-за направленности на различные объекты, а именно на психические и физические феномены, в результате чего и образуется один-единственный психический феномен [Brentano Ф., 1996, с. 66]. Соответственно, различие того, что представлено, и самого акта представления в конечном итоге все равно сливаются в едином психическом феномене; однако посредством этого различия мы и устанавливаем основание для существования этого феномена. Так, понимание феномена Францом Brentano коррелирует с феноменом в философии И. Канта. Однако, если чувственный мир у Канта дан в явлении как критерий существования феномена [Кант И., 1964, с. 127–128], то ноумен выступает нере-

альным предикатом бытия [Кант И., 1964, с. 308]. Brentano же рассматривает представление вещи как условие ее существования в нашем опыте. Формальная логика проскальзывает мимо этого основания существования феномена, из-за чего мы имеем дело с уже «готовыми» суждениями. Но в таком случае откуда в формальной логике возникает основание существования, если акт представления в ней никак не рассматривается? Brentano предполагает, что «...Любое познание является суждением, а любое суждение — как обычно утверждают — состоит в том, что предикат либо придается субъекту, либо отрицается. В случае познания посредством внутреннего восприятия суждение, без сомнения, аффирмативно, а придаваемый предикат должен, вероятно, быть “существованием”, поскольку воспринимается существование психического акта» [Бrentано Ф., 1996, с. 80]. Исходя из этого, Brentano делает вывод, что «ни один из тех, кто обратит внимание на то, что в нем происходит, когда он слышит или видит и воспринимает свое слышание или видение, не сможет ошибиться в том, что это суждение внутреннего восприятия состоит не в соединении психического акта как субъекта с существованием как предикатом, но в простом признании представляемого во внутреннем сознании психического феномена» [Бrentано Ф., 1996, с. 81].

Таким образом, Brentano впервые разграничил психический и физический феномены, утверждая при этом, что первый и есть наше сознание, которое характеризуется интенциональной присущностью ему предмета. Иными словами, психические феномены — это и есть сознание об объекте. Однако тем самым Brentano лишь косвенно актуализирует, но не отвечает на проблему: каким образом это сознание относится к своему объекту?¹ Более того, признавая многообразие психических феноменов, Brentano определяет единство сознания лишь как совокупную принадлежность этих феноме-

нов к реальной вещи, поскольку все они суть представления или основаны на них. При этом, зафиксировав это разнообразие, он не выделяет какой-либо сущностной, инвариантной структуры самих этих феноменов. Описание интенциональности как «имманентной присущности» предмета сознанию содержит в себе внутреннее противоречие: она мыслится одновременно и как акт направленности на объект, и как состояние, когда объект уже имманентно содержится в акте. Это противоречие делает невозможным построение строгой структуры сознания в рамках его системы, оставляя открытым вопрос: как именно, через какие необходимые этапы сознание конституирует свой предмет?

Заключение

Несмотря на отсутствие ответа на вопрос, описанный выше, можно выделить позитивные для данного исследования моменты учения о психических феноменах австрийского философа.

1) Brentano, в отличие от Аристотеля, фиксирует то, что предшествует суждению, а именно психический акт представления. Такой акт не существует в строгом формально-логическом смысле слова, поскольку он ответствен за предварительное условие для мышления, т.е. логических суждений, — а именно за представление (данность) предмета мышления. В момент суждения «акт есть», он уже произошел, и мы имеем дело только с готовым представлением такого акта; поэтому сама интенциональность находится как бы в трансцендентальном поле по отношению к формальной логике.

2) Продуктом такого акта представления (интенционального акта) служит единое представление об объекте. Другими словами, мы получаем объектное единство — нечто *представленное* в нашей психической деятельности. Такое единство служит коррелятом акта сознания, поэтому уместно обозначить его как имманентный объект, поскольку он составляет неотделимый коррелят акта сознания и объекта, на который направлен данный акт [Мионов Д.Г., 2013, с. 38–53]. При этом имманентный объект не есть то же самое, что и объективный предмет, хотя и подразумевает его в том плане, что без реального объекта невозможно реализовать акт сознания.

¹ Здесь стоит отметить, что у Brentano, как впоследствии и у Гуссерля, снимается оппозиция пары понятий «субъект — объект», поскольку в рамках феноменологической установки второе понятие попадает в полную зависимость от первого [Слинин Я.А., 2001, с. 73–74]. Другими словами, благодаря Brentano впервые встает вопрос не о соотносительности объекта со своим бытием, а о том, каким именно образом он осмысливается.

3) Поскольку имманентный предмет обладает смысловым единством — служит субъективным отражением реального объекта, — то именно его и можно определить как значение предмета. Более того, такой имманентный объект служит субъектом предикации в суждении. Однако смысл как процесс становления предмета в психической деятельности осуществляется до всякой логической предикации. Сам интенциональный акт можно понять как акт «осмысления», «наделения смыслом».

Таким образом, Brentano, вводя свое понимание психического феномена как направленности и связанного с ним сознания, актуализирует вопрос уже не о сущности нашего опыта, но о его структуре и становлении. Это в дальнейшем более подробно исследуется его учеником и последователем Э. Гуссерлем — основоположником подхода, который позволяет описывать сознание, не прибегая к рассуждению, соответствует ли оно чем-то или нет, т.е. феноменологии как чистой науки о сознании.

Список литературы

Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с. EDN: QXDVUB

Бrentano Ф. О многозначности сущего по Аристотелю. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2012. 247 с.

Бrentano Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996. 176 с. EDN: SNDOIN

Бrentano Ф. О будущем философии. Избранные труды. М.: Академический проект, 2018. 629 с.

Вдовина Г.В. Интенциональный термин или интенциональный объект? К позднесcholasticким параллелям нововременной интенциональной философии // Начала интенциональной философии: от поздних схоластов до Майнонга / науч. ред. Г.В. Вдовина. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 29–48.

Вдовина Г.В. Интенциональность и жизнь. Философская психология постсредневековой схоластики. М; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2019. 592 с. EDN: JKXHEU

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.

Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический Проект, 2010. 229 с. EDN: QWYHCN

Кант И. Критика чистого разума // Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.

Комаров С.В. Онтологическое различие: Аристотель, Хайдеггер, Делез // Новые идеи в философии. 2020. № 7(28). С. 69–79. EDN: FBENUS

Миронов Д.Г. Проблема интенциональности в философии Ф. Brentano // Философские науки. 2013. № 5. С. 38–53. EDN: QIQJRD

Молчанов В.И. Две лекции о Brentano // Логос. 2002. № 1. С. 46–67. EDN: TATPKV

Перлер Д. Теории интенциональности в Средние века. М.: Дело, 2016. 472 с. EDN: VVKKGV

Слинин Я.А. Трансцендентальный субъект: феноменологическое исследование. СПб.: Наука, 2001. 526 с. EDN: TVFDIX

Brentano F. Descriptive Psychology. London; New York : Routledge, 1995. 204 p.

References

Aristotle (1976). *Sochineniya: v 4 t. T. 1* [Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl., vol. 1, 550 p.

Brentano, F. (1995). *Descriptive psychology*. London, New York: Routledge Publ., 204 p.

Brentano, F. (1996). *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Dom intellektual'noy knigi Publ., Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ., 176 p.

Brentano, F. (2018). *O buduschem filosofii. Izbrannye trudy* [On the future of philosophy. Selected works]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 629 p.

Brentano, F. (2012). *O mnogoznachnosti sushego po Aristotelyu* [On the several senses of being in Aristotle]. St. Petersburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola Publ., 247 p.

Husserl, E. (2009). *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya* [Ideas pertaining to a pure phenomenology and to a phenomenological philosophy. First book]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 489 p.

Husserl, E. (2010). *Kartezianskie meditatsii* [Cartesian meditations]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 229 p.

Kant, I. (1964). [Critique of pure reason]. *Sochineniya: v 6-ti t.* [Works: in 6 vols]. Moscow: Mysl Publ., vol. 3, 799 p.

Komarov, S.V. (2020). [The ontological difference: Aristotle, Heidegger, Deleuze]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. No. 7(28), pp. 69–79.

Mironov, D.G. (2013). [The problem of intentionality in F. Brentano's Philosophy]. *Filosofskie nauki* [Russian Studies in Philosophy]. No. 5, pp. 38–53.

Molchanov, V.I. (2002). [Two lectures on Brentano]. *Logos*. No. 1, pp. 46–67.

Perler, D. (2016). *Teorii intentsional'nosti v Srednie veka* [Theories of intentionality in the Middle Ages]. Moscow: Delo Publ., 472 p.

Slinin, Ya.A. (2001). *Transtsendental'nyy sub'ekt: fenomenologicheskoe issledovanie* [The transcendental subject: a phenomenological study]. St. Petersburg: Nauka Publ., 526 p.

Vdovina, G.V. (2019). *Intentsional'nost' i zhizn'. Filosofskaya psikhologiya postsrednevekovoy skholarstiki* [Intentionality and life. Philosophical psychology of Post-Medieval scholasticism]. Moscow, St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 592 p.

Vdovina, G.V. (2024). [Intentional term or intentional object? On late scholastic parallels to modern intentional philosophy]. *Nachala intentsional'noy filosofii: ot pozdnikh skolastov do Maynonga, pod red. G.V. Vdovinoy* [G.V. Vdovina (ed.) The origins of intentional philosophy: from late scholastics to Meinong]. Moscow, St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., pp. 29-52.

Об авторе

Торощин Егор Александрович
ассистент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: egtoroshchin@gmail.com
ResearcherID: JPL-0328-2023

About the author

Yegor A. Toroshchin
Assistant Lecturer of the Department
of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: egtoroshchin@gmail.com
ResearcherID: JPL-0328-2023